

Оперативный эксперимент в борьбе с коррупцией: вопросы теории и практики

В. Г. Маматов

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: YouLaw@rambler.ru

Operational Experiment in the Fight Against Corruption: Theory and Practice

V. G. Mamatov

PhD of Law, Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
Address: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: YouLaw@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрен оперативный эксперимент как наиболее эффективное оперативно-разыскное мероприятие для получения доказательств и документирования одного из самых распространенных коррупционных преступлений – взяточничества. Разобраны разные подходы к использованию этого оперативно-разыскного мероприятия правоохранительными органами и проблемы толкования в федеральном законе этого понятия.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, оперативно-разыскные мероприятия, Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности», взяточничество, покровительство.

Abstract

The article describes the operational experiment as the most effective operational-search activity for getting evidence and documentation of one of the most common corruption crimes – bribery. The author considers different approaches to the use of this operatively-researched event and the problem of interpretation of this concept in the Federal Law.

Keywords: operational experiment, operational-search activities, Federal Law "On Operational Search Activity", bribery, protection.

Оперативный эксперимент является наиболее эффективным оперативно-разыскным мероприятием в документировании одного из самых распространенных коррупционных преступлений – взяточничества. Накопленный опыт борьбы с коррупцией свидетельствует о том, что зачастую только с помощью этого мероприятия, указанного в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», имеется возможность получить убедительные доказательства и изобличить взяточполучателя либо взяткодателя в совершении преступления.

В то же время современная практика применения правоохранительными органами оперативного эксперимента имеет немало примеров, когда результаты этого мероприятия не признавались в качестве доказа-

тельств и оснований для возбуждения уголовного дела. Имели место случаи, когда оперативных сотрудников, проводивших оперативный эксперимент, обвиняли в фальсификации материалов, подстрекательстве к совершению взяточничества, нарушении требований законодательства при проведении данного мероприятия и оформлении его результатов.

Здесь следует отметить, что неоднозначное отношение к практике использования оперативно-разыскного эксперимента в борьбе с преступностью имело место и ранее. В выступлении на научной конференции в Академии управления МВД РФ (2005 г.) автором по результатам исследования обращалось внимание на то, что прокуроры округов Москвы по-разному подходят к толкованию

этого мероприятия. Ряд работников прокуратуры вообще относился к оперативному эксперименту как к узаконенной провокации. Некоторые считали, что только оперативный эксперимент, но не проверочная закупка должен проводиться, когда объектом закупки являются предметы, вещества и оборудование, запрещенные к свободному обороту [3].

Причина подобного неоднозначного подхода к сущностным основам данного мероприятия заключалась, по мнению автора, в отсутствии его развернутого определения в законе, что повлекло различия в дефинициях, организационно-тактических и процедурных положениях, закрепленных в ведомственных нормативных актах, изложенных в научной литературе, в том числе и в научно-практических комментариях закона «Об оперативно-разыскной деятельности», подготовленных различными авторами и авторскими коллективами.

К сожалению, в упомянутый закон до настоящего времени не внесены дополнения, закрепляющие определение оперативного эксперимента, равно как и других мероприятий, основные организационно-тактические положения их проведения, форму документального закрепления полученных результатов, направления и способы их реализации. Это в свою очередь вынуждает практиков работников отдельных регионов, зачастую с учетом мнения работников прокуратуры, Следственного комитета и судей, разрабатывать «местные» рекомендации по организации проведения оперативно-разыскных мероприятий и документированию в их процессе противоправных действий. В частности, проведенное Ю. П. Гармаевым и А. А. Обуховым исследование позволило установить наличие четырнадцати видов документов по оформлению результатов оперативного эксперимента, имеющих отличия по названию, составу участников, организации и тактике проведения [1].

В научно-практической литературе конца 90-х гг. прошлого века приводились примеры согласования с прокуратурой планов проведения проверочных закупок и оперативных экспериментов, когда вопрос касался выявления и документирования фактов сбыта золота и других драгоценных металлов. Кстати, в своем выступлении на упомянутой конферен-

ции автором предлагалось во избежание необоснованных упреков со стороны адвокатов и судей в правомерности проведения мероприятия и объективности полученных доказательств планы проведения оперативного эксперимента согласовывать с прокурором [3. – С. 64]. Выступавший на межведомственном круглом столе, посвященном проблемам борьбы с организованной преступностью (ВНИИ МВД России. 23 октября 2014 г.), сотрудник ГУЭБ и ПК МВД России отметил, что во избежание подозрений в провокации приостановление и план проведения оперативного эксперимента сотрудники Главка согласовывают с работниками ФСБ России, хотя ведомственный нормативный акт, регламентирующий организацию и тактику оперативно-разыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, таких согласований не предусматривает.

Российским законодателям и ученым следовало бы обратить внимание на Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности Республики Беларусь», в котором дано определение каждого оперативно-разыскного мероприятия, изложены основания и условия их проведения, прекращения. В частности, статья 32 данного закона указывает, что оперативный эксперимент проводится на основании постановления о его проведении с санкции прокурора или его заместителя. Здесь же указываются: обязательные условия его проведения (часть 3 статьи 32), действия, которые предполагается совершить по вовлечению гражданина, в отношении которого будет проводиться оперативный эксперимент, в созданную обстановку (часть 4 статьи 32). Гражданина, который непосредственно участвует в данном мероприятии, под подпись знакомят с постановлением о проведении оперативного эксперимента, специальным заданием и постановлением о прекращении оперативно-разыскного мероприятия (части 2 и 7 статьи 32).

Отсутствие в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» дефиниции понятия оперативного эксперимента, регламентации оснований и порядка его проведения, способов фиксации его результатов негативно сказывается на эффективности этого важного мероприятия в борьбе с коррупцией опять же по причине неодно-

значного толкования представителей различных правоохранительных ведомств основных положений по его проведению.

Так, практике известны примеры, когда сотрудники Следственного комитета некоторых регионов отказывали в возбуждении уголовных дел по причине того, что результаты изъятия предмета взятки по завершении оперативного эксперимента фиксировались в акте, предусмотренном ведомственным нормативным документом МВД России, но не в документе, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Имели место случаи, когда работники прокуратуры и судьи ставили под сомнение законность действий оперативных сотрудников по задержанию в ходе оперативного эксперимента взяточполучателей с поличным либо временному ограничению их свободы путем надевания наручников в процессе осмотра служебного помещения с целью обнаружения предмета взятки, когда последние пытались помешать его производству.

Полагаем, что в приведенных выше примерах сотрудники Следственного комитета, прокуроры и судьи не учитывали следующие обстоятельства.

Во-первых, в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2014 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указывается на возможность задержания с поличным взяточполучателя, если противоправные действия осуществлялись под контролем органа, имеющего право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Во-вторых, несмотря на то, что в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» не указаны в качестве оперативно-разыскных такие мероприятия, как засада, захват, задержание (мы, в отличие от некоторых ученых, идею об их включении в Закон не поддерживаем), оперативные работники, являясь сотрудниками органов внутренних дел, обладают определенными административными и уголовно-процессуальными полномочиями. Поэтому в целях пресечения и раскрытия преступлений они имеют право осуществлять личный досмотр, задержание правонарушителей, доставку их в подраз-

деление полиции и другие принудительные действия.

Однако нельзя не признать, что в силу несовершенства законов и ведомственных нормативных правовых актов проблема имеет место. Не случайно, по данным исследования Е. В. Кузнецова, 65% из числа опрошенных сотрудников органов внутренних дел не смогли четко разграничить административные, уголовно-процессуальные действия и оперативно-разыскные мероприятия, осуществляемые при проверке сообщений о преступлениях [2. – С. 208, 277].

Практике также известны случаи, когда следователи и работники прокуратуры не ставили под сомнение и не проводили должной проверки процедуры осуществления оперативного эксперимента, достоверности их результатов, несмотря на наличие при их осуществлении определенных недостатков. В качестве примера можно привести материалы уголовного дела в отношении бывшего работника подмосковной полиции А. Ю. В., где следствие, прокуроры и судьи априори признали в качестве доказательства результаты оперативного эксперимента, полученные следующим путем.

А. Ю. В. подозревался в покровительстве сбытчикам наркотиков и получении от них за свои «услуги» денежных средств. В качестве потерпевшей, подавшей заявление о противоправных действиях А. Ю. В., но не участвующей в оперативном эксперименте, выступила гражданка М., наркоманка, находившаяся в то время в разработке сотрудников ФСКН. Меченые купюры сотрудниками подразделение собственной безопасности были вручены напарнику А. Ю. В. по патрулю Л., на центральной консоли автомобиля они и были обнаружены при задержании А. Ю. В. Последний денег в руки не брал и на его одежде следы красителя не были обнаружены.

Вторым участником оперативного эксперимента являлся работник полиции Л., ранее задержанный с поличным при получении взятки. Он по заданию сотрудников отдела собственной безопасности должен был передать меченую купюру А. Ю. В. и вел в процессе осуществления эксперимента аудиозапись разговора, убеждая последнего взять купюру, которую якобы передала М. Именно аудиозапись разговора в автомобиле явилась основ-

ным результатом оперативного эксперимента и главным доказательством вины А. Ю. В. Однако в процессе разговора А. Ю. В. никаких противоправных намерений не высказал, а Л. отказался в процессе следствия прочитать и подписать текст аудиозаписи.

Анализ приведенного примера позволяет обратить внимание на следующие вопросы.

Во-первых, могло ли заявление М. о том, что она ранее один раз уже передавала деньги А. Ю. В., явиться основанием для проведения оперативного эксперимента? Полагаем, что это заявление могло быть оговором добросовестного работника полиции и требовало дополнительной проверки.

Во-вторых, является ли передача денег А. Ю. В. не потерпевшей, а посредником Л. оперативным экспериментом?

В-третьих, как оценивать с позиций чистоты эксперимента тот факт, что Л. ранее уже был задержан с поличным при получении взятки и согласился сотрудничать со службой собственной безопасности на условиях смягчения меры наказания? Ведь будучи заинтересованным в компрометации А. Ю. В., он мог перед задержанием последнего засунуть или незаметно положить меченую купюру в карман его одежды.

В отечественном оперативно-разыском законодательстве не очерчен круг участников оперативного эксперимента и их характеристики. Значит, оперативный эксперимент с участием Л. мог быть проведен. Однако при этом необходимо было тщательно проверить информацию, поступившую от заявителя и подтверждающую противоправные действия или подготовку к ним со стороны А. Ю. В.

В приведенном примере заявитель не участвовал в оперативно-разыском мероприятии, а материалов о проверке информации о противоправных намерениях или действиях А. Ю. В. не было представлено.

Еще больше сомнения в доказательственном значении вызывают результаты данного оперативного эксперимента. Поскольку меченую купюру, якобы переданную ему М., он не взял и в разговоре с Л. противоправных намерений не выказал.

Даже непрофессионалу понятно, что подобное проведение мероприятия больше

похоже на провокацию, а его результаты не соответствуют требованиям предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законодательством. Очевидно, осознавая ущербность результатов эксперимента, не взирая на ходатайство адвоката обвиняемого, следователь не назначил правовую экспертизу проведенного службой собственной безопасности органа внутренних дел оперативного эксперимента. А. Ю. В. был осужден к трем годам лишения свободы.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1. Повышение эффективности оперативного эксперимента в документировании преступлений коррупционного характера зависит от более четкого закрепления в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» дефиниции этого сложного и острого оперативно-разыского мероприятия, организационных основ его проведения и способов фиксации результатов. Такая мера позволит в существенной мере избежать нарушений законности в процессе его проведения и будет способствовать единообразному подходу как к оценке, так и к направлениям использования результатов сотрудниками всех правоохранительных органов.

2. Целесообразно провести исследование практики применения оперативного эксперимента в документировании преступлений коррупционного характера и на основе полученного эмпирического материала с учетом отдельных положений законодательного регулирования данного мероприятия в странах СНГ разработать методические рекомендации по совершенствованию его использования в борьбе с коррупцией.

3. В учебном процессе образовательных учреждений системы МВД России следует больше обращать внимания на изучение вопросов разграничения оперативно-разыских, уголовно-процессуальных и административных функций сотрудников оперативных подразделений в процессе проведения и использования результатов оперативного эксперимента и других оперативно-разыских мероприятий.

Список литературы

1. *Гармаев Ю. П., Обухов А. А.* Квалификация и расследование взяточничества : учебно-практическое пособие. – М. : Норма, 2012.
2. *Кузнецов Е. В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-разыскного права : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2014.
3. *Маматов В. Г.* Практика оперативного эксперимента в деятельности подразделений БЭП // Оперативный эксперимент: вопросы теории и практики : сборник научных трудов. – М. : Академия управления МВД России, 2005.